

КЛАССИКИ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ФИЛОЛОГИИ

С.Д. КАЦНЕЛЬСОН

КАТЕГОРИИ
ЯЗЫКА

И МЫШЛЕНИЯ

ИЗ НАУЧНОГО НАСЛЕДИЯ

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

ББК 81.031

К 12

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(РГНФ)
проект № 00-04-16052

Редакционная коллегия:

Л. Ю. Брауде (отв. ред.), А. В. Бондарко, И. Б. Долинина, С. М. Кибардина,
В. М. Павлов, Ф. Б. Успенский, В. С. Храковский, С. А. Шубик

Рецензенты:

Ю. С. Степанов, А. Л. Грюнберг, В. З. Демьянков, Е. С. Кубрякова,
А. Д. Швейцер

Кацнельсон С. Д.

К 12 Категории языка и мышления: Из научного наследия. – М.:
Языки славянской культуры, 2001. – 864 с., ил. – (Классики отече-
ственной филологии).

ISBN 5-94457-009-1

В книге собраны наиболее ценные материалы из научного наследия Соломона Давидовича Кацнельсона (1907–1985), выдающегося лингвиста-теоретика, одного из классиков отечественного языкознания. Содержание книги – теория, методология и история исследования языковых форм и категорий в их связи с категориями мышления. В настоящее издание включены незавершенные монографии, а также статьи, очерки и наброски. Здесь представлено то, что автор готовил к печати, но не успел довести до конца, и то, что не предназначалось для печати, писалось «для себя» как «заметки на будущее».

Собранные в этой книге материалы из архива С. Д. Кацнельсона существенно дополняют ранее опубликованные работы, более полно раскрывают тему взаимоотношения категорий языка и мышления, которую Соломон Давидович развивал на протяжении полувека.

Выход этой книги в свет стал возможным благодаря усилиям Л. Ю. Брауде, бережно сохранившей и систематизировавшей рукописное наследие С. Д. Кацнельсона.

ББК 81.031

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

Подготовка разделов книги к печати и составление комментариев:
«Язык и мышление» – С. М. Кибардина, В. М. Павлов, С. А. Шубик,
«Грамматические значения и формы» – В. С. Храковский, «О генератив-
ной грамматике Н. Хомского» – И. Б. Долинина.

Редакционная коллегия выражает благодарность Е. А. Мельниковой,
Е. В. Андреевой, Я. Э. Ахапкиной за участие в подготовке книги к печати.

Outside Russia, apart from the Publishing House itself (fax: 095 246-20-20 c/o M153, E-mail: koshelev.ad@mtu-net.ru), the Danish bookseller G · E · C GAD (fax: 45 86 20 9102, E-mail: slavic@gad.dk) has exclusive rights for sales of this book.

ISBN 5-94457-009-1

9 785944 570093 >

© С. Д. Кацнельсон, 2001

© А. В. Бондарко. Предисловие, 2001

© Ю. С. Саевич. Оформление серии, 2001

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>А. В. Бондарко. О научном наследии С. Д. Кацнельсона</i>	9
---	---

І. ЯЗЫК И МЫШЛЕНИЕ

1. Главы из незавершенной монографии

«Развитие речевого мышления»	23
Глава І. О задачах типологии языка и речевого мышления	23
Глава ІІ. Проблемы метода	119
Глава ІІІ. Мыслительные основы синтаксиса	182

2. Материалы к задуманной книге

«Мыслительные категории и их естественная формализация в структуре языка» (фрагменты и наброски)	239
Предмет и метод	239
Психология и проблема мышления	276
К вопросу о развитии мышления	332
О происхождении эргативной конструкции	348
Уровни отношений	350
Случаи недоусвоения в речи ребенка на стадии комплексов	352
Механизм партиципации	368
Первобытный полисемантизм и комплексное мышление	368
Данные шизофрении	371
К первой главе монографии «Развитие речевого мышления»	373
Ребенок — синкреты	375
Событие и речевая ситуация	382
Об основных закономерностях развития речевого мышления	392
Денотат, сигнификат, референт	393
Субъект, объект и т. д.	395
К проблеме значения «Арбузик»	397
Категории	399
Развитие языка и речевого мышления	404
Глагольные значения	418
Виды совершенный и несовершенный	422
<Категории мышления>	449
Пропозиция и «положение дел»	458
Против тезиса об изоморфике планов формы	468
Сознание и мышление	470
Об основных функциях языка	471

Экстенсия и интенсия	472
К теории предиката	476
О роли знака в системе «язык — сознание»	479
Сознание, мышление и так называемые «познавательные способности» (мысли в связи с книгой Я. А. Пономарева «Знания, мышление и умственное развитие»)	486
Ситуация и «положение дел»	491
Об интенционале и пр.	493
К проблеме стадильности (уровней развития) мышления	495
Понятие и ноэма	498
К проблеме категорий речевого (повседневного) мышления	499
О происхождении языка (I)	510
О происхождении языка (II)	515
О первословах	518
Слово и чувственное познание предмета	525
К проблеме стадильности	527
О словах-синкретах	537
Событие	540
<Экспликант и экспликандум>	541
<Понятие-значение>	543
<Диалектика предмета и его признаков>	544
<О стадиях формирования первобытно-образного мышления> ...	546

II. КАТЕГОРИИ ГРАММАТИКИ

1. Грамматические значения и формы	551
Введение в грамматику: (Основы грамматического строя)	551
О типах современной грамматики	553
1) Противоположение грамматики универсальной и идиолектной (характерологической)	555
2) Противоположение логической и психологической грамматики	556
3) Противоположение сравнительно-исторической и школьной (статической, синхронической) грамматики	557
4) Противоположение формальной и содержательной грамматики	557
К определению грамматики	563
К понятию о «местах» при глаголе	564
К классификации грамматических категорий	564
О грамматических категориях	566

О залогах	568
Об отношении глагола к категории лиц	569
Роль промежуточных членов (разрядов) при образовании морфологических категорий	570
О естественном формализме языка и естественных способах его преодоления средствами самого языка	572
О переходности как формализованной категории	581
К «Теоретическим основам грамматики»	585
Грамматическое и вещественное значение	586
Лексико-грамматические разряды	591
К классификации глагольных лексико-грамматических разрядов	592
О лексико-грамматических разрядах	594
Глаголы состояния, перфект и перфектное словообразование	595
К членению предельных и неопредельных глаголов	596
К классификации предельных глаголов	598
К вопросу об объективных основаниях видовременных отношений	598
Заметки о русском виде	601
К вопросу о видах	605
Относятся ли предложения к системе языка?	609
Знак ли предложение?	615
Обстоятельство и дополнение	617
Дополнение и обстоятельство	624
Смысл и выводное знание	637
Об образовании элементарных понятий в уме	627
2. О генеративной грамматике Н. Хомского	629
К методологическим основаниям генеративной грамматики	629
Заметки о «Синтаксических структурах» Н. Хомского	633
К критике Н. Хомского	638
К критике порождающей грамматики	641
О структуре языка	655
Хомский и таксономическая теория языка	659
О понятии «компетенция» у Хомского	663
Слепой синтаксис и слепая лексика (из беседы с Ю. С. Масловым)	668
Генеративная грамматика и теория врожденных идей (тезисы доклада)	671
Генеративная грамматика и теория врожденных идей (тезисы доклада)	678

Об истоках нативистической концепции Хомского.....	682
--	-----

III. ПРИЛОЖЕНИЯ: ПУБЛИКАЦИИ В ПЕЧАТИ 1980—1990 гг.

К истории лингвистических учений	699
Концепция лингвистической типологии Адама Смита	703
Лингвистическая типология	713
История типологических учений	757
Заметки по словообразованию и синтаксису немецких глаголов движения	815
Список опубликованных научных трудов проф. С. Д. Кацнельсона	837
Именной указатель	846
Список иллюстраций	852

1. Главы из незавершенной монографии «Развитие речевого мышления»

Глава I

О задачах типологии языка и речевого мышления

Функциональный подход к языку невозможен без проникновения в основную функцию языка как орудия общения. Но речевое общение — это использование языка для целей трансляции и приема сообщений, или, проще говоря, для обмена мыслями. Коммуникативная роль языка, таким образом, тесно сопряжена с ролью языка как средства выражения мысли. Проблема соотношения языка и речи-мысли является поэтому стержневой проблемой науки о языке. Если, однако, среди лингвистов широко распространены антименталистические настроения, побуждающие их недооценивать или вовсе отрицать необходимость исследования содержательной стороны языка, то оснований для этого было немало. Важнейшие из них — это недостаточная эффективность и необедительность старых попыток рассмотрения данной проблемы и объективные трудности анализа содержательной стороны языка в отличие от формальных, непосредственно связанных со звуком и доступных наблюдению явлений.

В истории языкознания проблема соотношения мышления и языка не нова. Вся история науки о языке характеризуется в этом плане отношениями притяжения и отталкивания с наукой о мышлении. Древнейшая отрасль лингвистической науки — грамматика складывалась в древней Индии и античном мире в тесной связи с логикой, сливаясь с нею в известных частях и, с другой стороны, стремясь освободиться от ее влияний и обособиться* в качестве самостоятельной науки. Эти отношения взаимного притяжения и отталкивания наблюдаются и значительно позднее, когда автономность каждой из этих наук никем уже не ставилась под сомнение. С тех пор как языкознание в XVII—XVIII вв. столкнулось впервые с проблемой многоязычия и перестало быть наукой одного языка, проблема соотношения языка и мышления всплыла вновь с большой остротой, на этот раз как проблема соотношения языкознания с науками о «духе» — логикой и психологией.

Ни логическое, ни психологическое направления в грамматике не отрицали связей языка с мышлением. Спор шел вокруг вопроса о сущности различий между языками и о том, в какой мере эти различия определяются мыслительным содержанием языковых форм. Логическое направление исходило из предпосылки, что мыслительное содержание всех языков одинаково и сводимо к категориям формальной логики. С такой точки зрения различия между языками оказывались случайными и произвольными отклонениями, своего рода аномалиями формы, а грамматика объявлялась «рациональной», т. е. логической по своему содержанию и универсальной, общей для всех языков дисциплиной. Противоположное направление настаивало на независимости грамматики от логики и, связывая языкознание с психологией, настаивало на тесной связи идиоматических форм каждого языка с их мыслительным содержанием и в соответствии с этим рассматривало каждый язык как проявление особого «национального гения». Если логическая грамматика пренебрегала различиями форм, считая их, в сущности, внешним и безразличным для мысли покровом, призванным облечь повсюду одинаковые формы разума, то психологическая грамматика, наоборот, считала формы языка генераторами мысли и за каждым, даже мельчайшим, отклонением формы усматривала различие духовного содержания, квалифицируя формы языка как обнаружения не логического, а менее определенного по своей природе «духовного» содержания, различного у разных народов.

Антитеза логической и психологической грамматики скрывала под собой различные и даже противоположные решения вопросов: о взаимоотношении формы и содержания в языке, об отношении грамматики к логике, об универсальной основе языков. По первому вопросу одно направление считало отношение между формой и ее содержанием в языке внешним и случайным и, приписывая доминирующее значение содержанию, по сути дела, отрицало всякую самодовлеющую роль формы в языке и, следовательно, языка в целом, тогда как другое направление считало, что форма и содержание органически едины и слитны и наличие или отсутствие формы равносильно наличию или отсутствию ее содержания. На этих основаниях одно направление подчиняло язык логике, тогда как другое полностью отрицало связь языка с логикой и находило в каждом языке свое особое «содержание», порожденное формами данного языка. Соответственно, одно направление рассматривало все языки как проявление одной сущности, тогда как второе подчеркивало неповторимую индивидуальность каждого языка.

Для языкознания и отстаивания его автономности второе направление оказалось более перспективным, и неслучайно дальнейший прогресс науки о языке оказался в течение целого периода связанным с идеями психологического направления. Но, в сущности, оба направления были в одинаковой мере беспомощны в постановке кардинальной проблемы о соотношении формы и содержания в языке. Оба они в одинаковой мере исходили из тезиса о тождестве формы и содержания в языке. Столкнувшись с фактом многообразия языков мира, оба они не сумели теоретически примирить этот факт с принципом параллелизма формы и содержания, оказавшись перед дилеммой: либо признав единство содержания, так или иначе отстаивать единство формы, либо же, признав многообразие языков важнее формы, одновременно обосновать это многообразие и для содержания. Исходя из тезиса о единстве человеческого разума, логического разума, логическое направление поступалось формальными различиями языков и объявляло их малосущественными, всячески умаляя их и сводя их произвольно к единству. Напротив того, психологическая грамматика, придавая большее значение многообразию языков, жертвовала элементами единства в их содержании и произвольно конструировала для каждого языка свой тип особого, «нелогического» содержания. В обоих случаях из исходного положения (о единстве содержания всех языков — в одном случае и о многообразии формы языков — в другом) однозначно с помощью неявной посылки о параллелизме формы и содержания выводится заключение о единстве формы всех языков в первом случае и о множественности содержательных структур во втором.

Решающий для этих направлений факт многообразия языков оборачивается для исследователя еще практической стороной, проблемой усвоения нескольких языков и перевода с одного языка на другой. Для первого направления никакой проблемы здесь не существовало, так как усвоение чужих языков и перевод казались его представителям простым переодеванием мысли, существо которой оставалось неизменным. Трудности процессов освоения новых языков и перевода не получали при этом никакого объяснения. Что же касается второго направления, то и для него, в сущности говоря, не было здесь никакой проблемы, поскольку в принципе отрицалась возможность самих явлений. Усвоив определенный язык с детства, человек, согласно психологической грамматике, усваивает определенный строй «духа», из плена которого он вырваться больше не может, даже если научается говорить на других языках. Перевод с одного языка на другой с такой точки зрения невозможен, так как

каждый язык по «духу» своему неповторим и несводим к другому. «Переводить — значит предавать», — говорят итальянцы.

Новая полоса в разработке проблемы связана с именем В. Гумбольдта. Взгляды Гумбольдта во многом продолжают линию психологической грамматики, и выдвинутое им понятие «внутренней формы языка» обычно истолковывается в духе характерного для психологической грамматики понятия о «гении народа»¹. Но, признавая своеобразие каждого языка как в плане формы, так и в плане содержания, Гумбольдт вместе с тем находил, что наряду с идиоматическими в содержании каждого языка имеются и универсальные элементы. «Может показаться, — писал Гумбольдт, — что все языки мира должны быть одинаковы во всем, что касается их интеллектуального поведения. В части звуковой формы вполне понятно ее бесконечное, не поддающееся учету многообразие, ибо телесно и чувственно индивидуальное проистекает из столь многих причин, что возможности его вариаций беспредельны. Но в своей интеллектуальной части, покоящейся на самостоятельности духа, язык при тождестве своих целей и средств должен, казалось бы, быть одинаков у всех людей. И в действительности он обнаруживает значительное сходство повсюду. Но по многим причинам и в этой области возникают значительные различия»².

Гумбольдт, таким образом, отрицает односторонний подход к проблеме многообразия языков, усматривающий в них либо абсолютное тождество, либо абсолютное различие. Антиномия тождества и различия, универсального и индивидуального теряет теперь свой антагонистический характер и переносится во внутренний строй каждого языка, где эти противоречивые моменты уживаются рядом. «Каждый язык, — утверждает Гумбольдт, — созвучен общей природе человека и если сущность всех языков никогда и не может стать полностью отпечатком субъективности человечества, то все же языки непрестанно приближаются к этой цели»³. Ссылаясь на «опыт переводов с разных языков», Гумбольдт отмечал, что, хотя переводы обнаруживают значительную амплитуду колебаний по степени их

¹ См.: Кацнельсон С. Д. Содержательно-типологическая концепция Вильгельма Гумбольдта // Понимание историзма и развития в языкознании первой половины XIX в. Л., 1984. — Гумбольдт, что менее известно, продолжал идеи универсальной грамматики, опиравшейся на сенсуалистическую психологию. См.: Arnould A., Lancelot C. Grammaire générale et raisonnée. 1660.

² Humboldt W. von. Schriften zur Sprachphilosophie // Humboldt W. von. Werke in fünf Bänden. Bd. 3. Berlin, 1963. S. 464.

³ Ibid. S. 20.

адекватности, сама возможность перевода является «следствием общего родства всяких языков, гибкости понятий и их знаков»⁴.

Гумбольдт формулирует здесь принцип типологического родства языков. То, что он называет «общим родством языков», есть то, что мы называем типологическим родством в отличие от материального. Это «общее родство» опирается на «тождество целей и средств». Функциональная сущность языка (его «цели») и общие принципы языковой структуры («средства») повсюду одинаковы, будучи «созвучны общей природе людей». Но кроме единства структурных принципов, таких, например, как членораздельность речи, наличие в ней дискретных и непрерывных элементов, распадаения ее структуры на грамматику и словарь и т. д., языки отличаются и единством содержания, что делает в принципе возможным многоязычие (плюрилингвизм), т. е. знание нескольких языков и переводы с одних языков на другие. Именно «в своей интеллектуальной части» языки должны обнаруживать, и действительно обнаруживают, значительное сходство. Отсутствие жесткой связи между значением и его звуковой формой приводит к тому, что различия между языками особенно разительны, если подойти к ним со стороны звукового выражения. Но Гумбольдт отдает себе отчет в том, что и в интеллектуальной части имеются значительные различия.

Итак, в интеллектуальной части языкового строя необходимо существуют универсальные и идиосинкретические элементы. Первые являются основой единства всех языков, практически выявляющегося в феномене «многоязычия», «языковых контактов», т. е. возможности усвоения чужих языков и возможности переводов. Но «по многим причинам», на которых Гумбольдт не останавливается, в интеллектуальной части имеются и различия, которыми объясняются колебания в степени адекватности переводов. Выяснение соотношения универсальных и идиосинкретических характеристик в строе языков становится отныне одной из важнейших проблем общей теории языка.

Гумбольдт больше известен среди лингвистов своим понятием «внутренней формы языка», чем приведенными здесь его соображениями о соотношении универсального и индивидуального в содержательной части языковых форм. Гумбольдт действительно различал «внешнюю», т. е. звуковую, и «внутреннюю», т. е. содержательную, форму языка, но то, что он называл «внутренней формой», противостояло в языке «внутреннему содержанию», т. е. мыслительной

⁴ Ibid. S. 12.

основе, в принципе тождественной у всех языков и составляющей «универсальный компонент» их строя. Опиравшаяся на психологию Гербарта гумбольдтианская традиция в языкознании восприняла понятие «внутренней формы языка» и сделала его основой своей теории, но вместе с тем решительно осудила попытку выделить в «интеллектуальной части языка» наряду с «внутренней формой», т. е. идиоматическими значениями и категориями, еще и «универсальный компонент». Отмечая, что попытки обоснования грамматики с помощью логико-философских категорий с течением времени несколько ослабевают у Гумбольдта и что вместе с тем нет оснований говорить о полном отказе от таких воззрений, Х. Штейнталь делает эти воззрения исходным пунктом своей критики логической грамматики⁵.

Систематизируя разрозненные замечания Гумбольдта и несколько оттеняя отдельные положения, можно, по Штейнталю, представить их следующим образом.

Категории языка являются по большей части общими мыслительными формами логического происхождения, образующими законченную систему. Но эта система грамматических или логико-грамматических форм — именно в силу ее логической природы — не является собственно языковой, а, скорее, образует общую основу языка. К ней относятся заимствованные из логики положения, без которых языкознанию не обойтись. Но, обращенные лицом к грамматике, эти категории преобразуются до некоторой степени так, что логическими их уже трудно назвать. Эта система категорий составляет содержание логической грамматики, которая, в сущности, не является ни грамматикой, ни логикой, а представляет собой идеальную грамматику, не затрагивающую конкретные категории реальных языков. Реальная грамматика, присоединяясь к идеальной, должна проследить, какими звуковыми формами представлены в данном языке категории идеальной грамматики, представлена ли система логических категорий в данном языке полностью или с пробелами и отражаются ли логические категории в данном языке адекватно или в затемненном и смешанном с чужеродными элементами виде. На отражение логических категорий в языке оказывает влияние сила фантазии и поэзии, которая, присоединяясь к логическим потребностям, то притупляет логическую строгость, то порождает

⁵ *Steinthal H.* Einleitung in die Psychologie und Sprachwissenschaft. Berlin, 1871. S. 63—65; см. также: *Husserl E.* Logische Untersuchungen. Halle, 1922. S. 342; *Cassirer E.* Philosophie der symbolischen Formen. 1. Teil: Die Sprache. Berlin, 1923. S. 102.

выходящее за пределы логики обилие форм. Реальная грамматика распадается на две части — общую и частную. Если частная грамматика имеет целью проследить соотношение категорий данного языка с логическими категориями, то общая грамматика должна показать, какие категории встречаются в языках мира, в какой степени логические категории идеальной грамматики преобразуются в отдельных языках и как все это влияет на меру расхождений отдельных языков⁶.

Приведенные здесь мысли Гумбольдта поражают своей проницательностью и глубиной. Противоположность универсального и идиоматического понимания языка, которая до Гумбольдта выступала как отражение двух противоборствующих субъективных точек зрения на язык, теперь переносится внутрь языка, раскрываясь как объективное противоречие, вытекающее из природы объекта. В грамматике реального языка содержатся, с такой точки зрения, два наложения, два уровня явлений. За непосредственно представленными в языке конкретными грамматическими категориями, в своей совокупности образующими индивидуальную и неповторимую структуру данного языка, скрываются «идеальные» мыслительные категории, общие для всех языков мира. Задача грамматики как науки заключается не только в том, чтобы для каждого языка составить описание наличных в нем грамматических категорий в их специфическом для каждого языка соотношении с идеальными категориями, но также в том, чтобы в общетеоретическом плане исследовать, какие возможности преобразований идеальных категорий в конкретно-языковые представлены в языках мира. Таким образом, перед грамматикой, исследующей внутреннюю форму каждого языка в ее специфических связях с преобразуемой логической подосновой, раскрывается перспектива как конкретно-языкового, так и типологического исследования.

Все это выглядит очень заманчиво и с легкими терминологическими поправками может произвести впечатление актуальных выводов какой-либо сверхсовременной теории языка. Необходимо, однако, заметить, что во времена Гумбольдта такие суждения были в большей мере гениальной догадкой, чем положительными выводами, основанными на фактическом материале. В свете знаний, которыми располагала наука начала и середины XIX в., такие утверждения казались утопическими, и дальнейшее развитие науки требовало отступления от этих положений.

⁶ Steinthal H. Einleitung in die Psychologie und Sprachwissenschaft. S. 63—65.

Незрелость науки, мешавшая восприятию новых идей, сказывалась в части как лингвистических, так и логических знаний.

В собственно лингвистическом плане не хватало как фактических материалов по сравнительно-типологическому изучению грамматических структур различных языков, так и теоретических знаний, необходимых для анализа грамматических категорий и сведения их к категориям мыслительным. Не было материалов, которые позволили бы судить о степени универсальности тех или иных категорий, например таких, как части речи или члены предложения. В логических грамматиках времен Гумбольдта можно найти самые фантастические суждения на этот счет. Функции грамматических форм, и в особенности сложных флективных образований, были недостаточно изучены, что также мешало с уверенностью судить об их отношении к мысли. Подобраться к мыслительным категориям со стороны языковых форм было в то время безнадежным предприятием.

Но и логика не открывала для этого сколько-нибудь существенных возможностей. Отдельные категории логики и философии — такие, как субстанция, качество, количество, пространство, время, причина, следствие и т. д., — рассматривались в философии и логике слишком абстрактно, для того чтобы, опираясь на них, можно было глубже проникнуть в строй языка. Понятие суждения, отождествлявшееся в логической грамматике с предложением, было скроено слишком узко и не охватывало большинства учтенных грамматикой типов предложений. Апелляция к логике как к учению об общечеловеческом типе мышления несла с собой опасность нивелирования всех языков и невнимания к их особенностям. Кроме того, следует учесть, что формальная логика лишь в немногих своих частях касалась общей проблематики мышления. Логика — это, в сущности говоря, наука лишь об особом типе мышления, о технике выводного знания, и многих существенных проблем мышления, например мышления обыденного или мышления художественного, вовсе не касается. Недаром Гумбольдт рассматривает фантазию и поэзию как силы, враждебные логике. Так как язык служит целям не только рассуждения, но всякого мышления, то речевое мышление во всем своем объеме не покрывается логикой, и между ними наблюдается ошутимый разрыв.

Этнопсихологическое направление, виднейшим представителем которого был Х. Штейнталь, исходило в своих исследованиях из гумбольдтианского понятия «внутренней формы языка», изолировав его от всякой связи с логикой. Стремясь отстоять автономность язы-

ка по отношению к логике, новое направление подчинило язык психологии, придав тем самым своим исследованиям односторонне генетическую направленность.

Главные усилия новой лингвистической концепции были устремлены на то, чтобы раскрыть органические внутренние связи языка и мышления, показать, что мышление не исчерпывается логикой и что утверждение о неразрывности связи языка и мышления — недопустимое преувеличение. Логика не охватывает образного мышления, или, как Штейнталь, следуя Канту, его называет, созерцания. Когда, следовательно, говорят, что язык органически связан с мышлением, и при этом упоминают только логику, то тем самым неправомерно обедняют понятие мышления. Более того, Штейнталь считает возможным говорить, что мышление для своего выражения не нуждается в языке и что связи мышления с языком не носят обязательного характера. Но доводы, приводимые в обоснование этого положения, говорят о другом. Штейнталь ссылается на математические формулы, указывая, что они могут быть переданы различными языковыми выражениями. Так, арифметическое уравнение $3+4=7$ может быть прочитано по-разному, например: три и четыре вместе составляют семь; если к числу «три» прибавить число «четыре», то получится число «семь» и т. д. К тому же это уравнение может быть прочитано на разных языках и, следовательно, необязательно связано с каким-либо одним из них. Общий вывод, к которому приходит Штейнталь, гласит: «Низшая ступень мышления, созерцание внешних и внутренних образов, не нуждается в слове, а на высшей ступени развития научное мышление «стремится освободиться от бремени звука». В большинстве случаев мы предпочитаем пользоваться языком, но только потому, что «мы привыкли опираться на этот костыль»⁷.

Что касается созерцания, то Штейнталь не приводит никаких доказательств своей мысли, между тем его мнение отнюдь не самоочевидно. Конечно, зрительные восприятия человека непосредственно не связаны с тем или иным языком. Но глаз человека тем и отличается от глаза животного, что он может идентифицировать и различать множество предметов, не имеющих непосредственной биологической значимости для человека, что он может различать цвета в соответствии с номенклатурой, представленной в языке, и т. д. Вряд ли можно утверждать, что эта «способность созерцания» не связана с языком. Ее нельзя целиком вывести из языка, как это

⁷ Steinthal H. Einleitung in die Psychologie und Sprachwissenschaft. S. 50—52.

делает, например, Ф. Вайсманн⁸. Но невозможно и полностью отделить от языка, как это делает Штейнталь.

Вряд ли оправданно также мнение, будто мышление в его высших проявлениях стремится эмансипироваться от бремени языка и, отбросив костыли речи, стать на собственные ноги. «Алгебраическое мышление», на которое ссылается в данном случае Штейнталь, не обходится без языковых форм. Оно пользуется особыми искусственными символами, которые имеют свои наименования в языке и которые являются результатами обобщения и идеализации более конкретных понятий, имеющих прямое выражение в языке. То обстоятельство, что математическая формула может быть прочитана на разных языках, свидетельствует лишь о том, что эта формула обязательно связана с тем или иным конкретным языком и что она легко и адекватно может переводиться с одного языка на другой. Но графическая форма данного математического выражения необходимо предполагает и языковое выражение. Символические знаки науки также являются формами языка, хотя и специфическими как по строгости своего значения, так и в смысле условности их обозначения.

Штейнталь явно испытывает затруднения при столкновении с фактами синонимии и парафразы в языке. Из возможности парафразы он делает вывод, что будь язык органически связан с мышлением, то каждой мысли соответствовало бы одно-единственное языковое выражение. Но возможность различного выражения одной и той же мысли не только при переходе от одного языка к другому, но и внутри одного языка доказывает не отсутствие таких связей, а лишь отсутствие взаимоднозначных соответствий. Связь между языком и мышлением обязательна в том плане, что мышление, или точнее, речевое мышление, невозможно без языка, как язык невозможен без его функциональных связей с мышлением: связи эти настолько гибки и подвижны, что допускают различие стилей и способов выражения.

Штейнталь, таким образом, прав, осуждая стремление логической грамматики установить одностороннюю связь между языком и логическим мышлением. Он прав, далее, указывая, что такие попытки делают «необъяснимым различие народных языков при единстве человеческого логоса»⁹ и отстаивая независимость языка от логики. Но он заходит слишком далеко, когда заодно пытается

⁸ *Waismann F.* The principles of linguistic philosophy / Ed. by R. Harré. London; New York, 1965.

⁹ *Steinthal H.* Einleitung in die Psychologie und Sprachwissenschaft. S. 54.

обосновать и независимость языка от всякого мышления, а не только формально-логического.

У Штейнтала — и в этом заключается одно из важнейших достоинств его теории — мы находим интересные мысли об активности языка. Всякое выражение мысли, замечает Штейнталь, не следует пассивно за отображаемым предметом, а подчиняется собственным законам, вытекающим из природы средств выражения. Каждое выражение, воспроизводя предмет, вместе с тем существенным образом неадекватно ему. «Тело, протяженное в трех направлениях, изображается художником на плоскости, стало быть с помощью двух направлений. Язык, протекающий лишь в одном направлении, (временном), также изображает это тело. Будучи полностью погружен в поток времени, язык способен отобразить единовременное — данную в пространстве рядоположность. Протекая линейно, т. е. разворачиваясь точечно в одном направлении, язык способен воспроизводить даже удивительно многообразные связи и развивающиеся в бесконечно различных направлениях отношения мысли. Как мог бы он осуществить подобное, не будь он автономен!»¹⁰

Мысли Штейнтала об автономности языка и заложенной в нем способности преобразования различных связей и отношений в собственно языковые формы открывают путь для более глубокого понимания взаимоотношения языка и мышления. Сформулировав задолго до Соссюра принцип линейности языка, или, точнее, речи, Штейнталь вместе с тем отметил, что линейный характер речи, ее направленность, не препятствует ей воспроизводить сложные и разнонаправленные отношения. Языковая форма выражает мысль, придавая ей печать своего своеобразия. Преобразуя разнонаправленные связи в единогонаправленные, она доступными ей средствами воспроизводит сложные отношения объекта. Эти глубокие рассуждения об обратном воздействии языковой формы на содержание речи и о специфическом преломлении свойств объекта речи в речевом изложении могут быть по достоинству оценены только в наши дни, когда механизмы и процессы порождения речи впервые привлекли к себе пристальное внимание исследователей.

Даже адепты логической грамматики, затрудняясь отождествить грамматические категории с логическими, вынуждены были ссылаться на удобство и красоту выражения как на факторы, препятствующие адекватности изложения. Но тем самым логическая грамматика фактически отказывается от своих притязаний и усматривает в

¹⁰ Ibid. S. 62.

языковом выражении самостоятельный фактор, действующий по собственным правилам и внутренним закономерностям. Своеобразие языковых категорий может быть понято, только если учесть активную роль языка и связанную с ним способность к преобразованию (*Umgestaltung*) явлений мышления¹¹.

Отвергая логику как источник единства языков мира, Штейнталь выдвигает на передний план психологическую интерпретацию языка, в результате чего вся его теория языка приобретает односторонне-генетический характер. Общее в языках мира заключается, согласно предлагаемой им трактовке, в закономерностях становления и формирования языков. Повсюду развитие сознания обнаруживает, согласно Штейнталю, одинаковое движение от атомов человеческой психики, ощущений-познаний к восприятиям-образам и через представления к понятиям. Звуки языка с момента своего рождения выступают, по Штейнталю, как средство апперцепции, т. е. связи новых элементов сознания со старыми.

На первой фазе развития сознания звук, возникающий как рефлекс на внешнее впечатление, связывается с ощущениями и чувствами, вызываемыми внешним объектом, и становится фактором, способным репродуцировать в сознании старое впечатление и связывать его с новыми ему подобными. Как подчеркивает Штейнталь, речь возникает и в общественной среде и ее функцией является сообщение, но сообщение вначале оказывается произвольным — это стихийная одновременная реакция нескольких людей, их рефлекс на внешний объект. Замещая объект, звук становится посредником между объектом и субъектом и средством связи нового восприятия и переживания, новых чувств со старыми, средством внутреннего понимания и, тем самым, средством связи между различными субъектами.

Субъективный в своих истоках язык постепенно становится более объективным и содержательным. Первые ономатопоэтические слова ребенка и первобытного человека, означая какое-либо событие (например, **pap nunt*, ср. лат. *bido*), при всей ограниченности своего содержания выражали ряд моментов, например движение губ при питье, чувство удовлетворенности, а также вкусовое ощущение. Из этих объективных моментов «самосознание» (т. е. осознание) выделяет на первых порах лишь один, скажем движение рта, да и то неполно, только движение губ, но не языка, не глотание и т. д. С помощью такого звучания, содержание которого составляло его

¹¹ Ibid. S. 66—67.

внутреннюю форму, первобытный человек мог сообщать другим и получал сообщения о событиях, говорил и понимал других, понимал себя. С помощью таких праслов он апперцепировал события в свое знание о событиях¹².

На первой стадии своего развития язык — это звуковая мимика, рефлексорные звуки, выражающие восприятия и связанные с ними чувства. Содержание первых слов — это данные в восприятии события, изменения, состояния, действия и т. п. Отличие от животной психики составляет на этой ступени то, что хотя содержание сознания и здесь, как у животных, состоит из восприятий, он теперь сопровождается «самосознанием», т. е. изложением, сообщением и пониманием восприятий. Де, это уровень развития глухонемых.

Характеризуя содержание первослов, Штейнталь на этой же странице вдруг замечает, что они выражали образы, картины, некую целостность, человека или животное в совершенном им движении или испытанном воздействии либо в результативном состоянии такого движения. Предмет и событие даны в восприятии слитно. Но существуют природные явления, в которых нет лица, например атмосферные явления, такие как гром, дождь и т. п. В случаях этого рода звук выражает только движение. Но многие действия люди знают как действия людей. Замечая определенные изменения, они догадываются о действиях или движениях, приведших к этим изменениям. Часто единство распадается. Почка, вчера единая, сегодня раскрылась, твердое тело распалось на куски. Поэтому движение лучше замечается людьми и преимущественно выражается в звуке. Но связанные с движением предметы также отражаются в языковом выражении. Сознание первобытного человека — не гераклитовское. Напротив того, нет «никакого движения без объекта, который обязательно присоединяется в мысли, хотя и не в отчетливом виде»¹³. Уже на втором году жизни ребенок различает улицу и комнаты, людей, животных и движущиеся предметы и т. д. Такие же представления о лицах и вещах должен был иметь и первобытный человек. Но предметы не отделялись в сознании этого времени от действий и положений. «Предмет на данной ступени — лишь замкнутый круг возможных действий и изменений, выделяемых восприятием и переплетающихся в нем»¹⁴. От этой ступени, не знающей еще слов в собственном смысле этого слова, совершается переход к новой сту-

¹² Ibid. S. 387—396.

¹³ Ibid. S. 398.

¹⁴ Ibid. S. 399.

*1930-е гг. У Мещанинова
Второй слева в верхнем ряду С. Д. Кацнельсон*

*1930-е гг. С. Д. Кацнельсон (справа) и Ф. П. Филин
Ленинград*